

Как-будто от этого стало лучше! "Ты что, с ума сошел?!" закричала Кушина, прежде чем пожилой мужчина закрыл ей рот рукой. Затем он закричал, держась за руку, потому что рыжая укусила его. "Ты что, напился двадцать лет назад и решил: "Я обрюхачу какую-нибудь случайную женщину, которая, оказывается, входит в группу, убившую Шодая!""

Джирайя отшутился на попытку рыжеволосой подражать его голосу, углубив его. Хотя да, в этом был замешан алкоголь, он не собирался признавать это; "Они уже не те, что были раньше".

"Скажи это маме, всей этой чертовой деревне и даймё, пока ты здесь!" громко воскликнула Кушина. "У этих людей постоянный приказ "убивать на месте", потому что их лидер убил основателя Конохагакуре!"

"Ты уже говорила об этом!"

"Я буду повторять это до тех пор, пока ты не объяснишь мне свой провал в здравом уме!" Слова того, кого многие называли сумасшедшим в деревне, говорили о многом. "Черт возьми, если Джиджи узнает, что твоя голова оторвется!"

"Сарутоби-сенсей уже знает".

"...А?" Это было единственное связное слово, которое могла произнести бывший АНБУ.

Джирайя застонал, проведя руками по лицу; "Сенсей знает. Основатель Кагекена слишком поздно понял, что он сделал, убив Хашираму и вызвав глобальную войну. Он глубоко сожалел о своем поступке, поэтому восстановил Кагекен с нуля. Ассасины преследовали тех, кто действительно этого заслуживал. Все могло бы быть еще хуже, если бы не их работа".

"Знаешь, мне кажется, что для этого мне нужно присесть" Кушина просто позволила себе бесцеремонно опуститься на задницу. Джирайя присоединился к ней, усевшись на траву перед ней, скрестив ноги. "О боги", - простонала она. "Так что, все это время ты получал информацию от Кагекена?"

"В основном", - признался Джирайя, - "Они рассказывают мне о людях, которые могут навредить деревне, а я в ответ помогаю им".

Кушина выглядела потерянной, и он не винил ее, этот разговор принял множество непредсказуемых поворотов. "Просто трудно поверить, что Хаттори Масанари, ниндзя, о котором знают все ниндзя, величайший и самый успешный убийца всех времен... Просто передумал?"

"Он не "просто" передумал, малыш. Мы оба знаем, что война меняет людей. Первая война шиноби? Со времен клановых войн не было ничего столь хаотичного, Хаттори чувствовал себя

ответственным за это".

"Ничего удивительного..." горько пробормотала Кушина.

В то, что Хаттори Теневой Клинок, величайший ниндзя из когда-либо живших, превратил свой отряд наемников в орден, сражающийся за праведные цели, трудно было поверить. О, он не был могущественным ниндзя, Хаттори не называли Богом Шиноби, как Шодая, и действительно, если бы он сражался с Хаширамой один на один, он бы проиграл.

Нет, Хаттори убил Шодая, потому что он действительно соответствовал своему титулу самого совершенного шиноби в истории. Он никогда не промахивался мимо цели, все его контракты были безупречно выполнены (те, которые можно было приписать ему), потому что Хаттори обладал самым бесценным навыком ниндзя - способностью быть совершенно необнаружимым.

Истории рисовали его призраком: ни запаха, который могли бы уловить животные, ни намерения убить, которое мог бы уловить любой уважающий себя ниндзя, ни единой искры чакры, которую могли бы обнаружить даже самые лучшие сенсоры.

Он пробрался в Коноху во время фестиваля, когда Хаширама общался со своими людьми, и ударил его отравленным клинком в спину, когда тот отвлекся на фейерверк.

Этот человек и его группа стали самыми ненавистными людьми в истории Конохи, и только Мадара соперничал за это место... но Мадара потерпел неудачу, а Хаттори - нет.

И теперь, услышав это...

"Я понимаю, почему ты никому не рассказывал, - вздохнула Кушина, - Даже Минато и мне. Но ты мог бы..."

"О, я хотела. Но, черт возьми, я не хотел подвергать Юму риску любой ценой" Хах, а всего минуту назад Кушина упрекала его в том, что он не понимает, что чувствуют родители. Боги, она заслужила грязь на своем языке за это. "Так что я не рисковал... Пока вы, ребята, не умерли, ну, Минато умер... Уф, суть в том, что вас не было, я потерял шанс доверить вам это, поэтому вместо этого я рассказал старику".

"Он воспринял это хорошо", - сардонически сказала Кушина.

"О, он чуть не бросил меня в тюрьму по обвинению в измене, как только я ему рассказала. Пришлось долго убеждать его, в том числе встретиться с нынешним лидером Кагекен и узнать, что многие ценные сведения, которые я использовал, чтобы спасти деревню, были получены от них. Но поверь мне, сенсей знает, что Кагекен теперь другой".

"Но он все равно должен хранить это в тайне". Кагекен едва не уничтожил Коноху одним своим

поступком, смерть Шодая спровоцировала Первую войну, и только усилия Нидайме и, в конечном итоге, Третьего, уберегли деревню от падения. "Деревня не поймет..."

Джирайя тяжело вздохнул, откинувшись назад и опираясь на ладони.

На мгновение оба замолчали.

"Как Юма?" спросила Кушина с мягкой улыбкой.

"О, ты должна с ней познакомиться, она просто потрясающая", - улыбка Джирайи выражала чистый энтузиазм. "Она фехтовальщица, и она будет лучшей из всех", - он был абсолютно уверен. "Я старался быть рядом, как мог, но большая часть работы по ее воспитанию лежала на ее матери. Но это не помешало ей перенять мой тонкий вкус", - Джирайя скрестил руки и задрал нос с довольно гордой ухмылкой.

"Значит, она такая же извращенка, как и ты", - сухо заметила Кушина. Конечно...

"Хехе, даже тренировки с монахами с детства не помешали ей унаследовать это", - рассмеялся он, - "На самом деле она дружит с принцессой".

Глаза Кушины расширились: "Прежде чем ты спросишь, я понятия не имею, знает ли она о связях Юмы с Кагекен. Она сказала мне, что разберется с этим, так что я понятия не имею".

Рыжая вздохнула и посмотрела на саннина: "Уверен, что она твой "единственный" ребенок?". Учитывая, сколько этот человек провел времени в борделях, она удивилась, что Джирайя не был о них наслышан.

"Я не Саменоскэ", - сухо ответил мужчина. "Юма - единственный, кто у меня есть".

"Хм", - глаза Кушины переместились, когда она тщательно подбирала следующие слова. "Я сожалею о том, что сказала".

"Ты не знала", - ответил мудрец тяжелым голосом. "А я позаботился о том, чтобы ты не знала".

"Но... тогда ты понимаешь мои страхи", - проговорила рыжая, ее фиалковые глаза смотрели на него с мольбой. "Только не Наруто, пожалуйста, только не мой мальчик. Не заставляй его нести это бремя".

Боги, она звучала на грани слез. А он действительно не хотел навязывать их кому-либо, если бы у него был выбор.

Но пророчество так не работает.

"Это его путь, нравится нам это или нет, но это то, что ему суждено сделать".

Руки Кушины вцепились в траву, сжимаясь в бессильной ярости. Она закусила губу, пытаясь сдержать свой гнев на несправедливость всего этого.

"...И он не будет единственным".

"А?" Она снова посмотрела на него.

"Мудрец сказал мне, что пророчество не относится к одному человеку. Тех, кто принимает меры, когда видит несправедливость, кто улыбается даже перед лицом тьмы, кто сражается из любви к другим и к этому миру", - его слова, казалось, ободрили ее, улыбка расцвела на его губах. "Такая решимость защищать этот мир, это воля, которая передается с древних времен. Это Дети Пророчества, наследники Рамы".

Глаза рыжеволосой расширились, имя затронуло нити ее памяти. "Рама... Я слышала это имя. Цукико-баачан иногда упоминала его. Я... никогда не слышала до конца. Что-то связанное с богом Вишну?" В мире было так много разных богов, что она не могла уследить за всеми, поэтому остановилась на тех, кого знала.

Она помнила, как Баачан молилась у алтаря синего четырехрукого бога, оставляя подношения богу-дракону Рюдзину и богине солнца Аматерасу. Баачан была такой же духовной.

<http://tl.rulate.ru/book/62419/1778471>